

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПОСЕЛЕНИЯ МЕРГЕНЬ 7 (НИЖНЕЕ ПРИИШИМЬЕ): ХАРАКТЕРИСТИКА И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Д.Н. Еньшин

Рассмотрен основной неолитический керамический комплекс поселения Мергень 7, расположенного на северо-восточном берегу оз. Мергень. Проанализированы типолого-морфологические признаки и особенности керамики. Определена ее культурная принадлежность в контексте проблематики козловско-полуденковских древностей Зауралья. Высказаны предположения о месте данных комплексов в хронологической схеме неолита Нижнего Приишимья.

Эпоха неолита, Зауралье, Нижнее Приишимье, Мергень 7, керамика, типолого-морфологическая характеристика, культурно-хронологическая интерпретация, козловско-полуденковские древности, козловская культура.

Наиболее актуальной на сегодняшний день для неолита Нижнего Приишимья является культурно-хронологическая схема, предложенная В.А. Захом. Согласно ей, с периодом раннего и частично развитого неолита связано существование боборыкинской культуры (два этапа развития), а с развитым и поздним неолитом соотносятся кокуйские и екатерининские древности [Зах, 2009]. Вместе с тем необходимо отметить, что эта концепция (как и предшествующие) ввиду малочисленности и разрозненности источников носит достаточно схематичный характер и дает общее представление о механизмах развития культур неолита региона. На наш взгляд, появление новых материалов позволит существенно ее дополнить и уточнить. В связи с этим представляется важным введение в научный оборот материалов поселения Мергень 7.

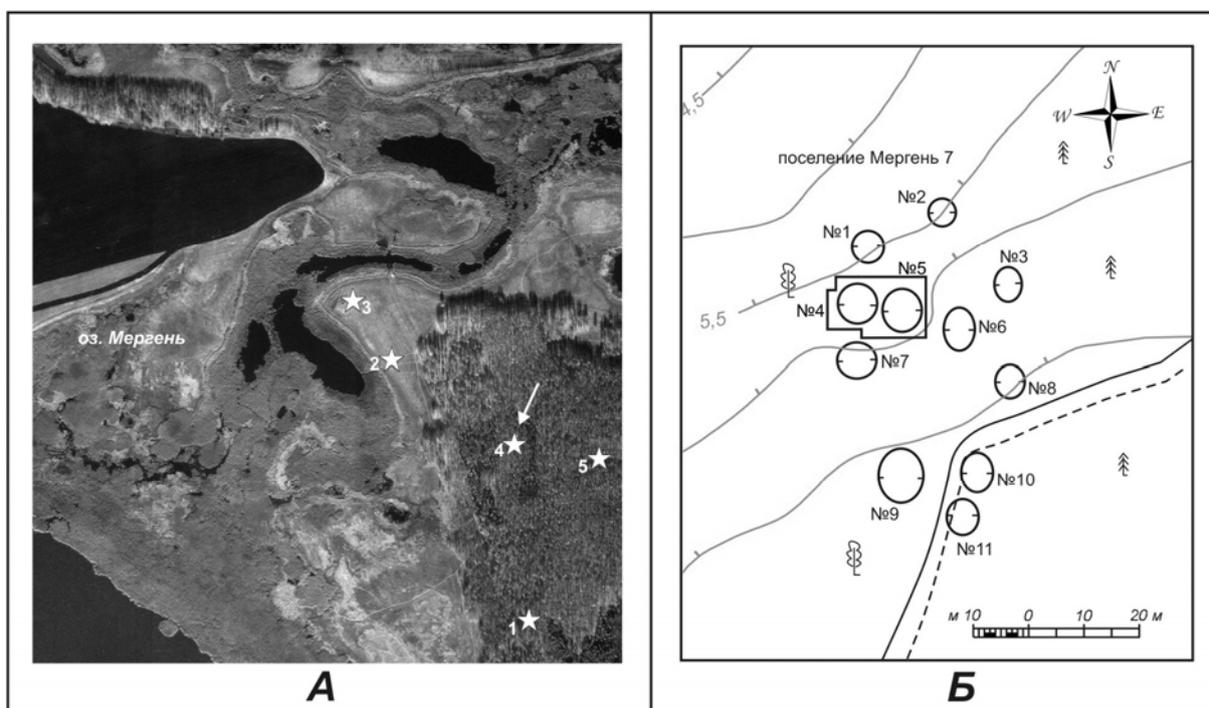

Рис. 1. Схема расположения неолитических поселений на северо-восточном берегу оз. Мергень (А) и топографический план поселения Мергень 7 (Б):
1 — Мергень 3; 2 — Мергень 5; 3 — Мергень 6; 4 — Мергень 7; 5 — Мергень 8.

Поселение Мергень 7 расположено на II озерной террасе северо-восточного побережья оз. Мергень. На площади памятника зафиксировано 11 западин (рис. 1), диаметр которых варьируется в пределах 6–10 м, глубина — 0,3–0,6 м. В 2011 г. раскопом площадью 233 м² было полностью исследовано двухкамерное жилище 1 (общая площадь около 120 м²), а также частично еще два сооружения (рис. 2) [Еньшин, 2013, 2014].

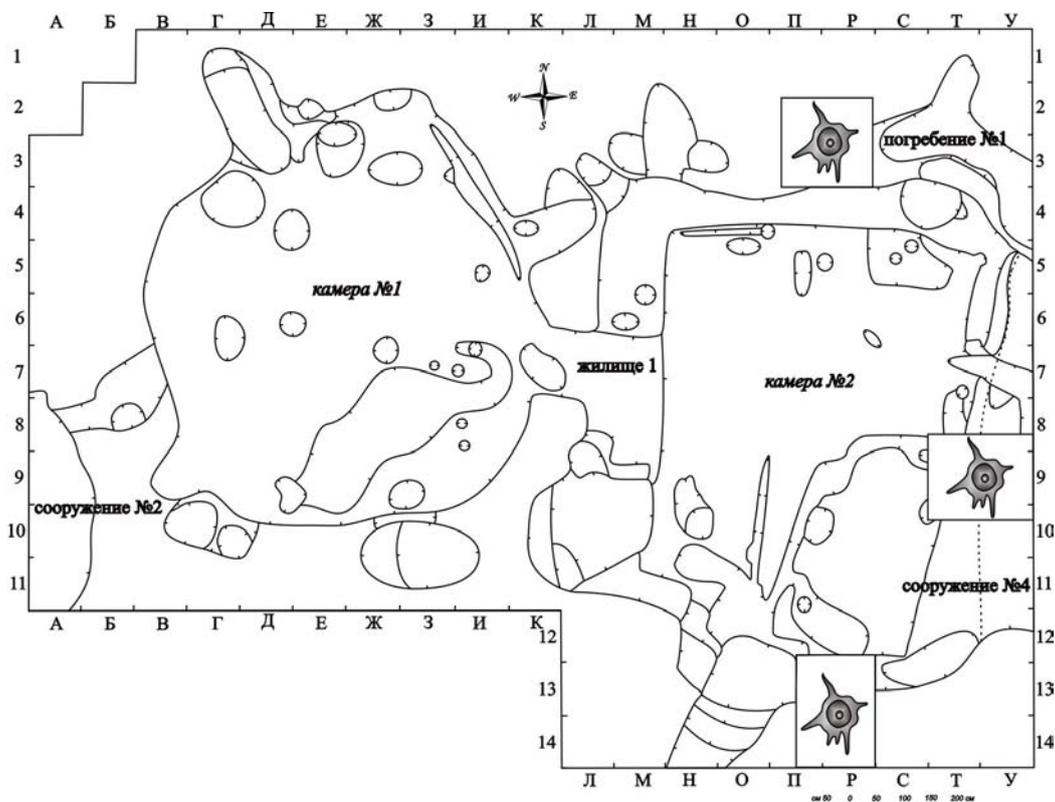

Рис. 2. План объектов поселения Мергень 7 на уровне материка.

В результате работ был установлен многослойный характер памятника (в рамках неолита — энеолита), выделены немногочисленные группы керамики, аналогичные боборыкинской (около 10 сосудов), кокуйской (1 сосуд), екатерининской (10 сосудов) и андреевской (мысаевский тип, 2 сосуда) посуде. Наиболее представительным является комплекс, непосредственно связанный с жилищем 1, находящий прямые аналогии в козловско-полуденковских древностях Зауралья. В заполнении котлованов обнаружены фрагменты 45 сосудов, в том числе 10 в виде развалов и скоплений на дне жилища. В целом коллекция представлена фрагментами 58 изделий.

Морфологический анализ позволил выделить две группы посуды: банки (46/79,3 %)¹ и слабопрофилированные горшки (12/20,7 %) (рис. 3, 4).

Форма явилась фактически единственным критерием выделения групп. По всем остальным признакам керамический комплекс достаточно единообразен. Археологически целыми были обнаружены 6 сосудов, 5 из которых приземистые, со слегка раздутым туловом, 1 сосуд демонстрирует немного вытянутую форму. Диаметр устья установлен по 8 изделиям: у 7 он варьируется в пределах 26–40 см, что позволяет отнести их к емкостям большого размера; лишь 1 сосуд имеет диаметр устья 10 см.

Венчики представлены тремя формами: закрытые (15/25,9 %), прямые (14/24,1 %) и отогнутые (29/50 %). При этом для сосудов баночной формы характерны все три типа венчиков (32,6; 28,3; 39,1 %), а для горшков — преимущественно с отогнутым краем (91,6 %). Срез венчика плоский (35/60,3 %) или округлый (23/39,7 %).

¹ Здесь и далее в числителе — количество сосудов, в знаменателе — процент от всего комплекса.

Керамический комплекс поселения Мергень 7 (Нижнее Приишимье)...

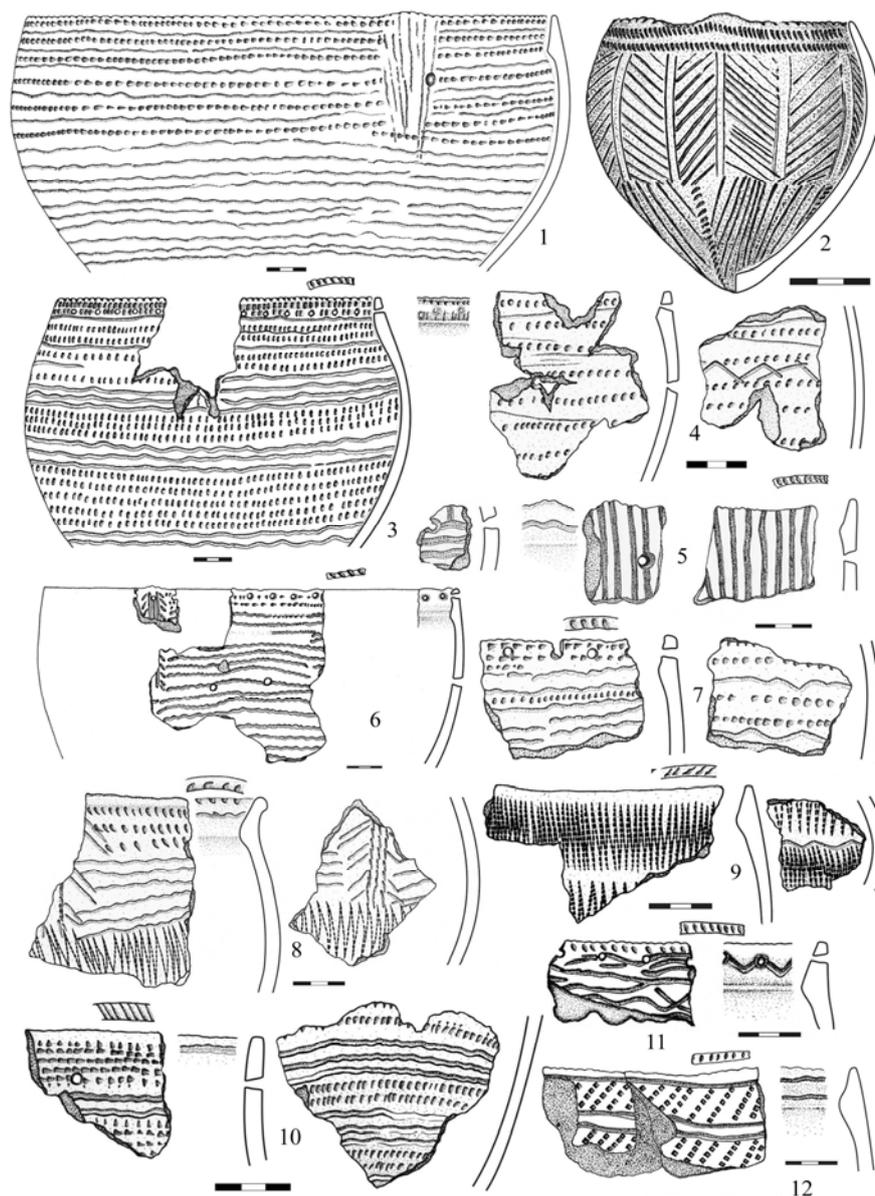

Рис. 3. Сосуды баночной формы поселения Мергень 7.

В комплексе выявлено 13 доньшек, 7 из которых имеют приостренную форму, 6 — округлую. Толщина стенок сосудов в среднем варьируется в пределах 0,5–0,8 см.

У 42 емкостей (72,4 %) на внутренней стороне венчика присутствует наплыв подтреугольной или округлой формы (рис. 3, 1, 4–9, 11–12; 4, 3). Чаще всего он хорошо выражен (34 экз.), реже (8 экз.) — лишь намечен. Наплыв зафиксирован на сосудах обеих групп, но более характерен для посуды баночной формы (38 экз.), нежели горшечной (4 экз.). По степени удаленности от края венчика наплывы делятся на две группы: до 2 см (35/83,3 %) и 2–3 см (7/16,7 %).

По краям 5 сосудов присутствуют так называемые выступы — «ушки» (рис. 3, 1, 2, 5, 6). Кроме того, у 2 изделий по тулову намечено «ребро» (рис. 3, 9; 4, 3). Четверть сосудов имеют следы ремонта в виде сверленных отверстий на тулове и под венчиком.

В орнаментальном плане комплекс также демонстрирует цельность. Выделено 4 технических приема нанесения орнамента: прочерчивание (82,7 %), накол (63,8 %), «шагание» (27,6 %) и печатание (6,9 %). Тенденция доминирования прочерчивания и накола прослеживается и в сочетании разных техник на одном сосуде (табл. 1).

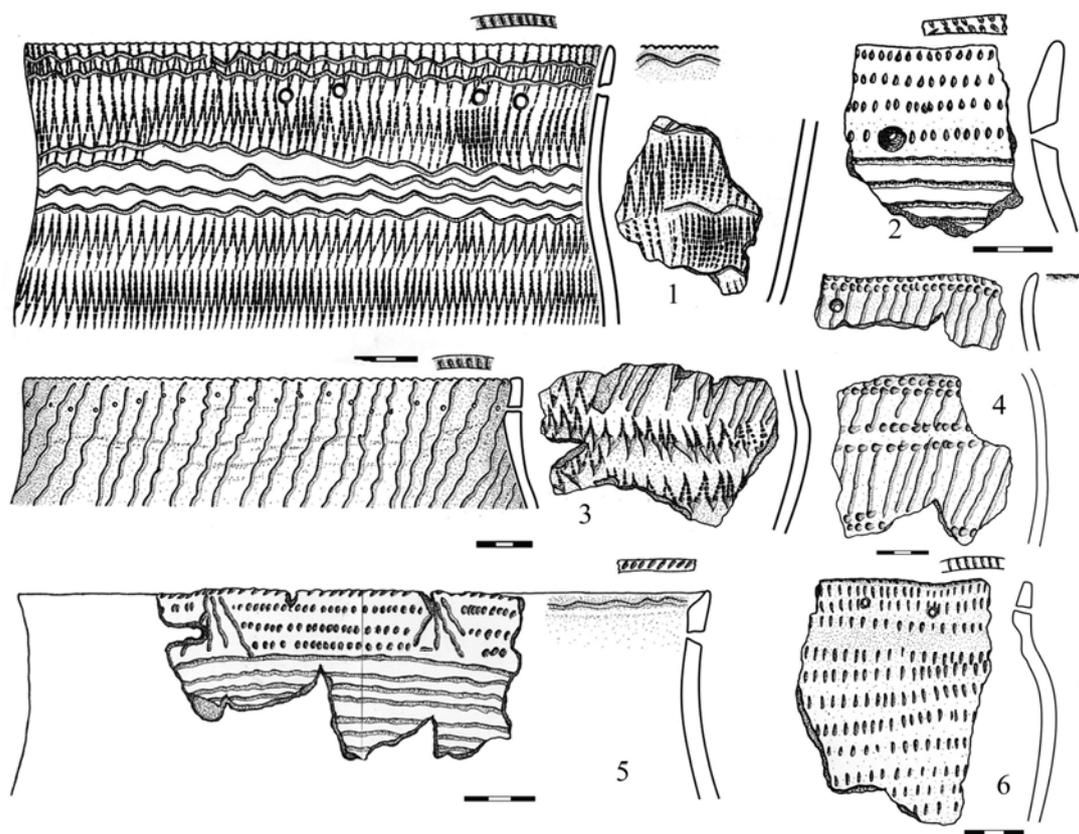

Рис. 4. Сосуды горшечной формы (слабопрофилированные) поселения Мergenь 7.

Таблица 1

Сочетание разных техник нанесения орнамента на сосудах

Техника нанесения орнамента	Кол-во сосудов	%
Прочерчивание — накол	21	36,2
Прочерчивание — «шагание»	6	10,3
Прочерчивание — печатание	2	3,4
Накол — «шагание»	2	3,4
Прочерчивание — накол — печатание	2	3,4
Прочерчивание — накол — «шагание»	7	12,1

Достаточно большой процент составляют емкости, украшенные только в прочерченной (10/17,2 %) и только в накольчатой (5/8,6 %) технике. В комплексе также был выявлен 1 неорнаментированный сосуд.

В качестве орнаментов применялись: стержневидное орудие с округлым или приостренным концом (86,2 %), стержневидное орудие с раздвоенным концом (13,8 %), гребенчатый штамп (22,4 %), гладкий штамп (8,6 %) и естественный орнаментир, предположительно челюсть животного (3,4 %). Наиболее часто использовались стержневидное орудие с гладким или приостренным концом и гребенчатый штамп. Подобная тенденция прослеживается и в сочетаниях следов разных орнаментов на сосудах (табл. 2).

Всего выделено 15 элементов орнамента. Абсолютно преобладают горизонтальная волнистая линия (34/58,6 %) и ряд наколов (33/56,9 %) (рис. 3, 4; табл. 3).

Основными мотивами орнамента являются монотонные горизонтальные ряды наколов (29/50 %) и волнистые линии (25/43,1 %). На незначительном количестве сосудов удалось выявить композиционные построения. Наиболее распространено сочетание в различных вариациях горизонтальных рядов наколов и волнистых линий (12,1 %). Меньшую долю составляет ком-

Керамический комплекс поселения Мергень 7 (Нижнее Приишимье)...

поновка рядов «шагающей» гребенки и горизонтальных волнистых линий (8,6 %). Еще менее распространена композиция из трех элементов — горизонтальных рядов наколов, волнистых линий и «шагающей гребенки» (3,4 %). На двух сосудах отмечено нанесение одного орнамента поверх другого — прочерчивание горизонтальных волнистых линий поверх «шагающей» гребенки (рис. 4, 1).

Таблица 2

Сочетание различных орнаментов на сосудах

Орнамент	%
Стержневидное орудие с гладким или приостренным концом — гребенчатый штамп	17,2
Стержневидное орудие с гладким или приостренным концом — гладкий штамп	8,6
Стержневидное орудие с гладким или приостренным концом — стержневидное орудие с раздвоенным концом	5,2
Стержневидное орудие с раздвоенным концом — гребенчатый штамп	5,2
Стержневидное орудие с гладким или приостренным концом — гребенчатый штамп — гладкий штамп	1,7

В декорировании всего выделено 15 элементов орнамента, абсолютно преобладающими являются горизонтальная волнистая линия (34/58,6 %) и ряд наколов (33/56,9 %) (рис. 3, 4; табл. 3).

Таблица 3

Элементы орнамента на сосудах

Элементы орнамента	Кол-во сосудов	%
Горизонтальная волнистая линия	34	58,6
Горизонтальный ряд наколов	33	56,9
Горизонтальный ряд отверстий	18	31
Горизонтальная линия	14	24,1
Горизонтальный ряд «шагающей» гребенки	10	19
Горизонтальный ряд «шагающего» гладкого штампа	5	8,6
Горизонтальный ряд ямок	2	3,4
Горизонтальный зигзаг	2	3,4
Горизонтальный ряд наклонных оттисков гребенчатого штампа	3	5,2
Наклонная волнистая линия	3	5,2
Наклонная линия	3	5,2
Вертикальная линия	1	1,7
Горизонтальный ряд наклонных рядов наколов	1	1,7
Наклонный зигзаг	1	1,7
Сетка	1	1,7

Орнамент на сосудах характеризуется преимущественно сплошным расположением и горизонтальной зональностью. В качестве разделителей выступают прочерченные линии, ряды наколов, реже пояса «шагающего» гребенчатого штампа. Выделенные области, в свою очередь, были заполнены рядами наколов либо прочерченными волнистыми линиями. На 34 сосудах (58,6 %) отмечена бордюрная зона под венчиком, чаще всего в виде поясов из монотонных рядов наколов (67,6 %) или волнистых линий (8,8 %), отделенных от основного орнаментального поля пустым пространством либо другим элементом. Число рядов варьируется от 2 до 6. Зачастую поверх них сделаны сквозные отверстия (41,1 %).

Разнообразие в расположении орнамента на 6 емкостях вносят так называемые горизонтальные разделители (рис. 3, 1, 6, 8; 4, 5), представленные «древовидными» фигурами с направленными вниз «ветвями»; расходящимися от края венчика волнистыми линиями; треугольниками, ориентированными вершинами вниз; сдвоенными вертикальными рядами наколов; сходящимися линиями, образованными оттисками гребенчатого штампа. Элементы разделительных фигур выполнены в техниках прочерчивания, накола и печатания. На четырех сосудах разделители локализованы у края венчика, причем в двух случаях «привязаны» к выступам — «ушкам». У других двух емкостей данные элементы отмечены в придонной части.

Из 42 сосудов, имеющих с внутренней стороны наплыв, у 17 (40,4 %) он орнаментирован. Среди элементов доминируют волнистая линия (21,4 %), реже узор выполнялся гладким «шагающим» штампом (9,5 %). Единичны двойная волнистая линия, прямая линия и зигзаг. Орна-

мент на внутренней стороне под венчиком отмечен у четырех сосудов без напыла, во всех случаях это прочерченная волнистая линия.

Срез венчика орнаментирован у 53 сосудов (91,4 %). В основном это насечки (88,7 %), реже наколы (7,6 %).

Анализируя орнаментацию комплекса, нельзя не отметить особо «древовидные» мотивы. Поверхность одного изделия поделена на две равные части (рис. 3, 2). В верхней чередуются «древовидные» фигуры с «ветвями», направленными вниз или вверх. Орнамент выполнен в прочерченной технике. Нижняя зона сосуда заполнена теми же фигурами с «ветвями», направленными только вверх, выполненными в двух техниках — «стволы» в накольчатой, «ветви» в прочерченной. Подобным образом выполнены и «древовидные» разделители (рис. 3, 6, 8).

Итак, анализ морфологических и орнаментальных признаков позволяет выявить основные черты комплекса. Сосуды преимущественно баночной формы, с закрытыми, прямыми или отогнутыми венчиками, слегка раздутым туловом и округлыми или приостренными доньшками. Две трети сосудов имеют напылы с внутренней стороны. По краям венчиков присутствуют выступы — «ушки». Основная часть емкостей орнаментированы полностью, чаще всего в прочерченно-накольчатой технике. Гребенчатый компонент составляет около 20 % от всего комплекса. Доминирующими элементами орнамента являются горизонтальные волнистые линии и ряды наколов при подчиненном значении «шагающей» гребенки, а также присутствию «древовидных» фигур в оформлении поверхностей. Орнаментальное поле в целом имеет горизонтальную зональность с редкими вертикальными разделителями.

К особенностям комплекса следует отнести: достаточно высокий процент ямок и сквозных отверстий под краем венчика (31 %); наличие неорнаментированного сосуда; присутствие на двух изделиях пустых зон по тулову; группу емкостей со слабопрофилированной горшечной формой.

По набору основных характеристик материалы поселения Мергень 7, безусловно, относятся к такому кругу памятников Зауралья, как Евстюниха I, Ташково I, Уральские Зори II, Исетское Правобережное, Кокшаровский Холм, Полуденка I, Шайдурихинское V, Козлов Мыс I, ЮАО 15, ЮАО 18 («VIII пункт»), Дуванское V и т.д. (рис. 5) [Герасименко, 2008; Ковалева, Ивасько, 1991; Сериков, 1991; Кернер, 1991; Шорин, 2001; Бунькова, 2011; Зырянова, 2011; Юровская, 1975; Ковалева, Зырянова, 2008; Усачева, 2001, Стефанов, 1991]. Такая особенность комплекса, как сквозные отверстия и ямки под краем венчика, сближает его в первую очередь с комплексами поселений ЮАО 15, «VIII пункт», Дуванское V и др., расположенных на территории Андреевской озерной системы близ г. Тюмени. Сосуды с неполной орнаментацией практически неизвестны в этих материалах, исключение составляет посуда жилища 11 поселения Исетское Правобережное, где встречаются емкости с неорнаментированными зонами по тулову [Кернер, 2011а, с. 59].

Наличие слабопрофилированной посуды является основной особенностью данного комплекса. Фактически ни в одном из вышеназванных памятников подобных изделий нет. Вместе с тем анализ залегания горшков и банок в жилище указывает на их одновременность — фрагменты сосудов и тех и других форм отмечены как в заполнении, так и на дне жилища. Анализ орнаментации также не дал оснований разделить их хронологически. Скорее всего, пролить свет на появление данных форм позволит сосуд, обнаруженный в виде развала на дне камеры 1 у перехода в камеру 2.

Сосуд имеет слабопрофилированную горшечную слегка вытянутую форму, приостренное дно и округлый срез венчика, орнаментированный косыми оттисками гребенки (рис. 6, 1). Край его слегка вогнут вовнутрь. Толщина стенок составляет 0,5 см. Бордюрная зона оформлена тремя горизонтальными линиями из оттисков гребенчатого штампа. Основной орнамент разрежен, представлен горизонтальными рядами «шагающей» гребенки по тулову, разделяющими верх и низ сосуда. Верхняя и нижняя части украшены вертикальными с небольшим наклоном рядами «шагающей» гребенки. Отличие данного горшка от основного комплекса проявляется не только в форме и разреженности орнаментации, но и в технологии изготовления. В его формовочной массе присутствуют такие компоненты, как кварцевая дресва и шерсть и волос животного². Эти компоненты не свойственны не только керамике поселения Мергень 7, но и неолитическим комплексам Тоболо-Ишимья в целом. Форма сосуда, орнаментация и наличие шерсти и волоса в формовочной массе находят ближайšie аналогии в керамике маханджарской культуры Тургайского прогиба (рис. 6, 2–7). Вместе с тем для маханджарских комплексов не характерна дресва

² Определение выполнено В.В. Илюшиной (ИПОС СО РАН), за что автор выражает ей искреннюю благодарность.

Керамический комплекс поселения Мергень 7 (Нижнее Приишимье)...

в формовочной массе [Шевнина, 2008, с. 267; 2012, с. 21]. Примесь дресвы отмечена В.Ф. Зайбертом в атбасарских материалах Северного Казахстана [1992, с. 98–100], данных же о примеси в них волоса или шерсти животных пока нет. К сожалению, керамика атбасарской культуры известна в очень небольших количествах и мелкофрагментирована, а из описания следует, что она имеет высокую степень сходства с маханджарской по орнаментации и морфологии (рис. 6, 8–10) [Там же]. Таким образом, появление профилированных форм сосудов в основном комплексе поселения Мергень 7 может быть связано с контактами с населением, проживавшим на территории Северного Казахстана и Казахстанского Притоболья.

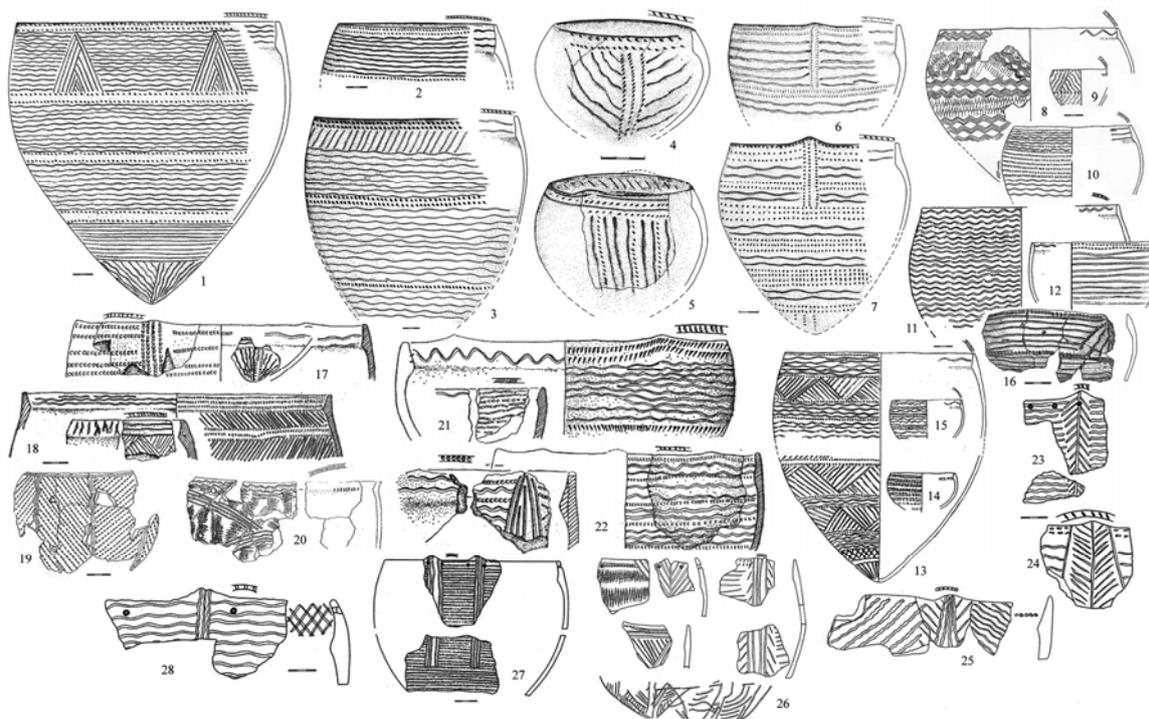

Рис. 5. Козловско-полуденковские комплексы Зауралья:

1–7 — Евстуниха I (по: [Герасименко, 2008]); 8–15 — Исетское Правобережное (по: [Кернер, 1991]);
16 — Шайдурхинское V (по: [Зырянова, 2011]); 17–22 — Ташково I (по: [Ковалева, Ивасько, 1991]);
23–28 — ЮАО 15 (по: [Ковалева, Зырянова, 2008]).

Озеро Мергень находится в трехстах и более километрах от основного ареала козловско-полуденковских древностей, лежащего в лесостепном (Тоболо-Исетское междуречье) и горнолесном Зауралье. В связи с этим поселение Мергень 7 пока следует считать периферийным, маркирующим его восточную границу (рис. 7).

Определить более точно культурно-хронологическое место данных комплексов в системе «родственных» памятников сложнее, нежели географическое, в силу слабой разработанности козловско-полуденковской проблематики. На сегодняшний день выделено 4 типа керамики: козловский, евстунихинский, кокшаровско-юрьинский и полуденковский. Если критерии кокшаровско-юрьинской посуды (зооморфные налеты под краем венчика, значительный процент отступающе-накольчатой техники орнаментации и т.д.) позволяют говорить об обособленном типе [Шорин, 2001, с. 154], то в описании первых двух зачастую фигурируют одни и те же признаки [Ковалева, Зырянова, 2001, с. 47–48; Герасименко, 2008]. Это приводит к тому, что исследователи, характеризуя материалы, относят их к определенной типу, указывая в скобках другой, подразумевая при этом их идентичность [Косинская, 2001, с. 61–62], либо рассматривают их в рамках хронологических этапов той или иной культуры (козловской, полуденковской) [Ковалева, Зырянова, 2008, с. 38–39; Зах, 2009, с. 185]. Необходимо отметить, что одним из основных методов хронологической дифференциации выступал типологический анализ орнаментации, согласно которому гребенчатый компонент (его наличие или отсутствие, удельный вес в общей

орнаментике и т.д.) являлся свидетельством позднего возраста относительно «чистых» не гребенчатых (прочерченных, прочерченно-накольчатых) комплексов. Подобная практика нередко приводила к выделению и внутри котлованов жилищ, и в близких сооружениях нескольких разновременных, по мнению авторов, комплексов [Ковалева, Ивасько, 1991; Кернер, 1991; и т.д.]. С этих позиций наиболее ранними считаются нижний комплекс жилища 4 поселения Ташково I, нижний комплекс жилища 1 поселения Исетское Правобережное, комплекс Уральские Зори II. За эталон ранней керамики до недавнего времени принимались материалы поселения Евстюниха I. Ранний возраст этой группы определялся датами 7950±1290 л.н. (ЛЕ-3046), 8400±400 л.н. (ЛЕ-3048) (жил. 1, Исетское Правобережное) и 7440±60 л.н. (ЛЕ-1534) (жил. 4, Ташково I). Более поздними считаются комплексы верхнего заполнения жилища 4 и жилища 6 Ташково I, жилища 2 и 3 Исетского Правобережного, ЮАО 15, 18 («VIII пункт») и т.д. Все эти памятники были отнесены к козловской культуре и, согласно концепции В.Т. Ковалевой и С.Ю. Зыряновой, иллюстрировали хронологию ее развития [2001, с. 52]. Однако последняя полная публикация комплекса поселения Евстюниха I ставит под сомнение его «чистый» не гребенчатый характер. А.А. Герасименко не исключает одновременности сосудов «евстюнихинского» типа и посуды с гребенчатым орнаментом, залежавших совместно в заполнении котлована жилища и до сих пор разделявшихся на ранний и поздний комплексы лишь по орнаментальному признаку [2008, с. 71]. Сомнению были подвергнуты и основные даты, соотносимые с «чистыми» ранними комплексами. По мнению А.А. Выборнова, для датирования ранних материалов поселения Исетское Правобережное более корректной является дата 5880±60 л.н. (жил. 1), полученная по керамике и сопоставимая с датами аналогичных комплексов Прикамья [2011, с. 232–233]. Стоит отметить также, что для считавшихся поздними (по отношению к жилищу 1) сооружений 2 и 3 на поселении Исетское Правобережное были получены даты, ставящие их на более раннюю позицию: 6310±90 л.н. (Кі-15917) (евстюнихинский тип, жил. 2), 6050±90 л.н. (Кі-15918) (евстюнихинский тип, жил. 3) [Кернер, 2011б, с. 239].

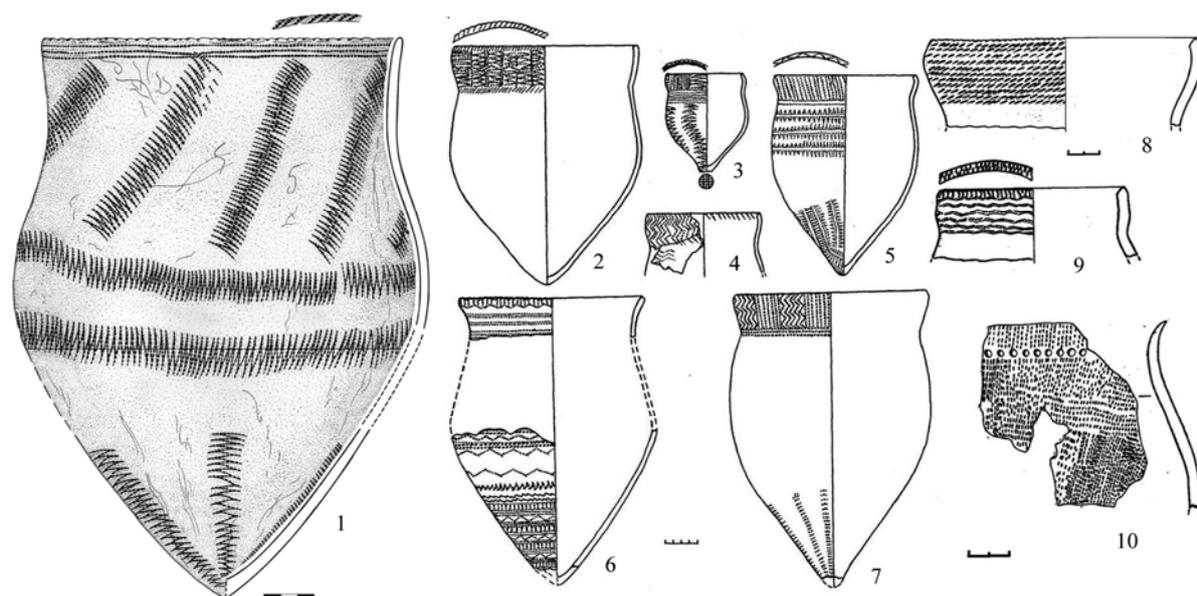

Рис. 6. Сосуд «маханджарского» облика с пос. Мергень 7 (7) и аналоги (2–10):

2–7 — сосуды маханджарской культуры (по: [Шевнина, 2008, 2012]): 2, 4 — Бестамак; 3, 5, 7 — Соленое озеро;
6 — Дузбай 3; 8–10 — сосуды атбасарской культуры (по: [Зайберт, 1992]): 8 — Тельмана X; 9, 10 — Жабай Покровка I.

С появлением «новых» данных по материалам поселения Евстюниха I В.Т. Ковалевой и С.Ю. Зыряновой была предложена несколько измененная схема хронологии козловской группы памятников. Авторы предлагают рассматривать их в составе козловской археологической культуры, датируемой второй половиной — концом VI — началом IV тыс. до н.э. По мнению исследователей, на всем протяжении существования культуры сохранялись специфические черты в форме сосудов, технике и стиле орнаментации. Характерны преимущественно вертикально вытянутые закрытые сосуды с приостренным или округлым дном и наплывами на внутренней

Керамический комплекс поселения Мергень 7 (Нижнее Приишимье)...

стороне венчика. Края сосудов нередко оформлены выступами, или «ушками», которые, как правило, соотносятся с вертикальными лесенками, столбиками, мотивами в виде «дерева со стволом и параллельными ветвями», расположенными в верхней трети сосудов. Орнамент полностью покрывает внешнюю поверхность, а также края (скосы) с внутренней стороны. Среди способов нанесения орнамента доминирует прочерчивание, из орнаментов — палочка с округлым или расщепленным концом. Другие приемы и орнаменты играли подчиненную роль. Орнаментация наносилась широкими горизонтальными зонами с разделителями в виде рядов ямочных вдавлений, оттисков гребенчатого штампа. Встречаются сосуды, полностью украшенные горизонтальными линиями без деления на зоны. Волнистый и прямолинейный орнамент занимает ведущее место, но нередки и зоны, состоящие из разнонаправленных заштрихованных треугольников, вставленных друг в друга углов, зигзагов [Ковалева, Зырянова, 2008, с. 38]. В хронологическом плане авторы предлагают выделять ранний (козловский? — Д. Е.) и поздний (евстюнихинский) комплексы. Для первого характерны вертикально вытянутые емкости с коническим дном, низким и плавно опущенным наплывом с внутренней стороны, а также отсутствие или минимальное использование гребенчатого штампа; для второго — наличие округлодонных сосудов с раздутыми боками, наибольший диаметр которых равен высоте сосуда, наплывы становятся не обязательными, гребенчатый штамп занимает в орнаментации до 10 %, увеличивается доля сосудов, орнаментированных в технике отступающей палочки [Там же, с. 39]. Предложенные авторами критерии хронологического деления комплексов, на наш взгляд, не являются убедительными. Указанные орнаментальные и морфологические признаки отмечаются во всех рассматриваемых материалах [Ковалева, Ивасько, 1991; Кернер, 1991; Герасименко, 2008]. Не подтверждается данное предположение и датами. Так, для «поздней» (по В.Т. Ковалевой и С.Ю. Зыряновой), евстюнихинской керамики с поселения Евстюниха I приводятся две довольно ранние даты: 6320 ± 90 (Ki-16039) и 6180 ± 90 л.н. (Ki-16040) [Бунькова, 2011, с. 236]. Помимо этого, для кокшаровско-юрьинской посуды (святилище Кокшаровский холм), которую исходя из предлагаемых критериев следует отнести к позднему комплексу, получена серия радиоуглеродных дат в диапазоне 6045 ± 90 л.н. (Ki-15535) — 6950 ± 80 л.н. (Ki-15914) [Шорин, Шорина, 2011, с. 249–250]. Подобные и даже чуть более ранние даты кокшаровско-юрьинской посуды получены исследователями на поселении Варга 2 [Жилин и др., 2007, с. 37]. В то же время для собственно ранних, «чистых», козловских (по В.Т. Ковалевой и С.Ю. Зыряновой) комплексов по-прежнему остается всего одна дата с поселения Ташково I.

Рис. 7. Памятники козловско-полуденковского круга:

1 — Евстюниха 1; 2 — Кокшаровский холм; 3 — Уральские Зори II; 4 — Шайдурихинское V;
5 — Полуденка I; 6 — Исетское Правобережное; 7 — Сумпанья IV; 8 — Дуванское V; 9–11 — ЮАО 15,
«VIII пункт», Козлов Мыс I; 12 — Ташково I; 13 — Мергень 7.

Стоит отметить также, что само понятие — «чистый ранний комплекс», в том значении, в котором оно употребляется в контексте изучения козловско-полуденковской проблематики (прочерченный, прочерченно-накольчатый, не гребенчатый), по всей видимости, не соответствует действительности. Скорее всего, следует вести речь об одновременном бытовании двух или трех компонентов — прочерченного, накольчатого и гребенчатого. Тем более что исследователи сходятся во мнении, что козловские древности, вероятнее всего, складывались на многокомпонентной основе [Волков, 1999, с. 11; Ковалева, Зырянова, 2008, с. 39], а также что неолитические комплексы Зауралья вообще характеризуются многокомпонентностью [Чаиркина, Дубовцева, 2014, с. 12]. Определенным маркером этого, быть может, являются факты двойной орнаментации, отмеченные И.В. Усачевой во многих козловско-полуденковских комплексах [2001, с. 123]. Есть они и в рассматриваемом комплексе поселения Мергень 7 (рис. 4, 1). Придерживаясь данной точки зрения, стоит согласиться с замечанием Л.Л. Косинской, что на территории Урала и Западной Сибири едва ли найдется ранний культурный тип керамики, характеризующийся использованием исключительно гребенчатых или негребенчатых орнаментов. Согласно автору, понятие гребенчатой или прочерченно-накольчатой традиции характеризует скорее тенденции развития нео- и энеолитической орнаментации в сторону обособления обеих к концу неолита. Однако об этом нельзя говорить применительно к его раннему этапу, а следовательно, и к вопросу о происхождении обеих традиций следует подходить с большой осторожностью [Косинская, 2001, с. 68]. В этой же плоскости лежит и проблема интерпретации полуденковских материалов, степень изученности которых не позволяет определенно говорить об их культурно-хронологической атрибуции [Ковалева, Зырянова, 2008, с. 42].

Представленный краткий историографический экскурс наглядно демонстрирует слабую степень исследованности козловско-полуденковских древностей. В связи с этим сложно диагностировать выделенные типы керамики, в том числе комплекса поселения Мергень 7. Общие признаки мергенской керамики лишь четко «привязывают» ее к широко очерченному кругу памятников и позволяют именовать козловской. Данное название употребляется нами как обобщающее для всех материалов, связанных с этой проблематикой в силу современного ее состояния и историографической традиции.

Время существования козловского жилища на северо-восточном берегу оз. Мергень определяется серией радиоуглеродных дат по углю со дна котлованов и по керамике — серединой — второй половиной V тыс. до н.э. (табл. 4), что позволяет условно соотносить его с поздним этапом существования козловских поселений в Зауралье.

Таблица 4

Даты по углю и керамике из жилища 1 поселения Мергень 7

№ п/п	№ образца	Дата BP	Дата Cal BC	Материал
1	СОАН-8896	8510±130	1σ 7720–7440; 7410–7360; 2σ 7950–7150	Уголь
2	СОАН-8897	5790±115	1σ 4780–4510; 2σ 4950–4350	»
3	СОАН-8898	5705±95	1σ 4690–4450; 2σ 4770–4350	»
4	СОАН-8899	5765±95	1σ 4720–4500; 2σ 4840–4440; 4430–4370	»
5	СОАН-8900	5975±100	1σ 4990–4720; 2σ 5250–4600	»
6	Ki-17074	5720±140	1σ 4720–4440; 4420–4370; 2σ 4950–4250	Керамика
7	Ki-17081	5520±120	1σ 4500–4220; 2σ 4700–4000	»

Образцы керамики для датирования были отобраны из обеих групп сосудов — как баночных, так и горшечных. Обе даты соотносятся с серией, полученной по углю, что еще раз подтверждает одновременность использования горшечных и баночных форм жителями поселения.

Комплексов, имеющих сходство с посудой поселения Мергень 7, на территории Нижнего Приишимья пока практически не обнаружено (за исключением поселения Мергень 6). В хроно-

Керамический комплекс поселения Мергень 7 (Нижнее Приишимье)...

логической схеме неолитических культур рассматриваемой территории, скорее всего, они будут стоять между кошкинскими древностями и последующими кокуйскими. С первыми можно допустить сосуществование на каком-то отрезке времени, о чем могут свидетельствовать несколько сосудов козловского облика в кошкинском слое долговременного поселения Мергень 6, что, в свою очередь, не противоречит их общей хронологии в Зауралье [Ковалева, 1989; Зах, 2009]. Что касается вероятной преемственности комплексов раннего — развитого (кошкинских, козловских) и развитого — позднего (кокуйских) неолита в Нижнем Приишимье, то этот вопрос более сложен в силу недостаточности информации.

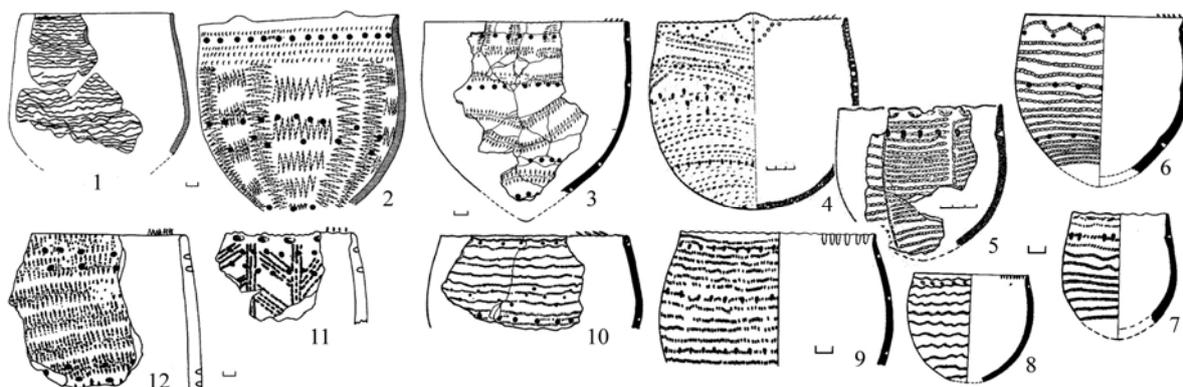

Рис. 8. Сосуды кокуйской культуры:

1, 2 — Кокуй I (по: [Генинг, Голдина, 1969]); 3–10 — Серебрянка 1 (по: [Панфилов, 1993]); 11, 12 — Боровлянка 2 (по: [Зах, 2009]).

Кокуйская посуда датируется второй половиной V — началом IV тыс до н.э. и характеризуется отступающе-гребенчато-ямочной орнаментацией (рис. 8) [Зах, 2009, с. 195, 256]. Наиболее близкое сходство данной керамики отмечают с артынскими комплексами Прииртышья и северо-запада Барабинской лесостепи, а также посудой изылинского этапа верхнеобской неолитической культуры [Бобров, Марочкин, 2011, с. 106; Зах, 2003, С. 155]. Однако достаточно высокий процент гребенчатого штампа (32,4 % по А.Н. Панфилову), в частности «шагающей» гребенки, в кокуйской орнаментике отличает ее от восточных и северо-восточных комплексов [Панфилов, 1993, с. 7–8]. В этой связи можно предположить, что появление в Приишимье козловской посуды, на которой четко фиксируется гребенчатый компонент (преимущественно «шагающая» гребенка), вполне могло сказаться на развитии этого признака и в последующих, кокуйских комплексах, тем более что на данной посуде с поселения Серебрянка 1 присутствуют и «ушки» (рис. 8, 2, 4) [Там же], столь характерные для козловских и кошкинских сосудов. Кроме того, в жилище 1 этого поселения вместе с кокуйской посудой присутствовала небольшая группа изделий, на двух из которых выявлены слабовыраженные наплывы с внутренней стороны [Там же, с. 14–15]. Таким образом, можно предположить участие козловских групп населения в сложении кокуйских. Не стоит, видимо, забывать и о южном казахстанском векторе связей. Необходимо отметить, что гипотезы о сосуществовании, взаимодействии и возможной генетической связи носителей разных культурных традиций, высказанные выше, носят предварительный характер и требуют подтверждения или опровержения путем всестороннего анализа материалов.

Появление новых для территории Нижнего Приишимья комплексов имеет, на наш взгляд, два принципиально важных момента: во-первых, позволяет корректировать культурно-хронологические схемы и представления о культурогенетических процессах в неолите исследуемого региона; во-вторых, в очередной раз ставит проблему интерпретации козловско-полуденковских древностей Зауралья и выделяемых в них типов керамики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бобров В.В, Марочкин А.Г. Артынская культура // Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда. СПб.; М.; Вел. Новгород, 2011. Т. I. С. 106–108.
Бунькова А.А. Керамика из жилища I поселения Полуденка I // ВАУ. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2011. № 26. С. 125–144.

Д.Н. Еньшин

Волков Е.Н. К проблеме периодизации неолита Среднего Зауралья // Вестн. археологии антропологии и этнографии. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1999. Вып. 2. С. 10–13.

Выборнов А.А. Первые радиоуглеродные даты по неолитической керамике Зауралья // ВАУ. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2011. № 26. С. 232–235.

Герасименко А.А. Характеристика керамики поселения Евстюниха I // ВАУ. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2008. № 25. С. 44–72.

Еньшин Д.Н. Отчет о раскопках поселения Мергень 7 в Ишимском районе Тюменской области в 2011 году // Архив ЛАЕНМ ИПОС СО РАН. 2013.

Еньшин Д.Н. Неолитические жилища поселений озера Мергень // Вестн. археологии антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2014. № 1 (24). С. 14–23.

Жилин М.Г., Антипина Т.Г., Зарецкая Н.Е., Косинская Л.Л., Косинцев П.А., Панова Н.К., Савченко С.Н., Успенская О.Н., Чаиркина Н.М. Варга 2: Ранне-неолитическая стоянка в Среднем Зауралье: (Опыт комплексного анализа). Екатеринбург, 2007. 98 с.

Зайберт В.Ф. Атбасарская культура. Екатеринбург: УрО РАН, 1992. 220 с.

Зах В.А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. Новосибирск.: Наука, 2009. 320 с.

Зах В.А. Эпоха неолита и раннего металла лесостепного Присалаирья и Приобья. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2003. 168 с.

Зырянова С.Ю. Многослойное поселение Шайдуринское V и проблемы хронологии неолита Среднего Зауралья // Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда. СПб.; М.; Вел. Новгород, 2011. Т. I. С. 148–149.

Кернер В.Ф. Поселение Исетское Правобережное // Неолитические памятники Урала. Свердловск.: УрО АН СССР, 1991. С. 46–67.

Кернер В.Ф. Керамика эпохи раннего неолита в верховьях Исети // Шестые Берсовские чтения: Сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург: Квадрат, 2011а. С. 56–62.

Кернер В.Ф. Радиоуглеродные даты с поселения Исетское Правобережное 1 // ВАУ. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2011б. № 26. С. 239–240.

Ковалева В.Т. Неолит Среднего Зауралья. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1989. 80 с.

Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Неолитические культуры Среднего Зауралья: Генезис, соотношение, взаимодействие // Проблемы изучения неолита Западной Сибири: Материалы совещания (Тюмень, ноябрь 2000 г.). Тюмень: ИПОС СО РАН, 2001. С. 46–56.

Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Продолжение дискуссии о зауральском неолите // ВАУ. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2008. № 25. С. 30–43.

Ковалева В.Т., Ивасько Л.В. Неолитические комплексы поселения Ташково I на Исети // Неолитические памятники Урала. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 112–131.

Косинская Л.Л. Керамические комплексы в неолите Западной Сибири (таежная зона) // Проблемы изучения неолита Западной Сибири: Материалы совещания (Тюмень, ноябрь 2000 г.). Тюмень: ИПОС СО РАН, 2001. С. 61–71.

Панфилов А.Н. Многослойное поселение Серебрянка 1 в Нижнем Приишимье: (Итоги полевых исследований). Препр. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1993. 80 с.

Сериков Ю.Б. Уральские Зори II — однослойный неолитический памятник нового типа // Неолитические памятники Урала. Свердловск.: УрО АН СССР, 1991. С. 32–45.

Стефанов В.И. Неолитическое поселение Дуванское V // Неолитические памятники Урала. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 144–160.

Усачева И.В. Стратиграфические позиции неолитических типов керамики поселения «VIII пункт» на Андреевском озере и некоторые общие вопросы неолита Зауралья // Проблемы изучения неолита Западной Сибири: Материалы совещания (Тюмень, ноябрь 2000 г.). Тюмень: ИПОС СО РАН, 2001. С. 116–133.

Чаиркина Н.М., Дубовцева Е.Н. Керамические комплексы эпохи неолита поселения Нижнее Озеро III // Вестн. археологии антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2014. № 1 (24). С. 4–13.

Шевнина И.В. Неолитическая керамика Тургайского прогиба (по материалам стоянки Солёное Озеро 2) // VII исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск.: ОмГУ, 2008. С. 262–269.

Шевнина И.В. Гончарство маханджарской культуры // Вестн. археологии антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. № 2 (17). С. 21–28.

Шорин А.Ф. О двух новых вариантах неолитической керамики козловского и боборыкинского типов по материалам Кокшаровского холма // Проблемы изучения неолита Западной Сибири: Материалы совещания (Тюмень, ноябрь 2000 г.). Тюмень: ИПОС СО РАН, 2001. С. 162–169.

Шорин А.Ф., Шорина А.А. Радиоуглеродные даты Кокшаровского холма // ВАУ. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2011. № 26. С. 249–254.

Юровская В.Т. Неолитическое жилище на стоянке Козлов Мыс I // ВАУ. Екатеринбург: УрГУ, 1975. Вып. 13. С. 86–91.

Тюмень, ИПОС СО РАН
Dimetrius666_72@mail.ru

Керамический комплекс поселения Мергенъ 7 (Нижнее Приишимье)...

The paper considers a basic Neolithic pottery complex from the settlement of Mergen' 7 at the north-east shore of the Mergen' lake. The author undertakes analysis of typological-and-morphological features and distinctions of the pottery. Subject to determination being its cultural belonging in the context of problems regarding the Kozlov-and-Poludenkovsky antiquities of Trans-Urals, presuming on position of the given complexes in the chronological scheme of the Neolithic from the Low Ishim basin.

The Neolithic Age, Trans-Urals, Low Ishim basin, Mergen' 7, pottery, typological-and-morphological characteristic, cultural-and-chronological interpretation, the Kozlov-and-Poludenkovsky antiquities, the Kozlov culture.